

ние катепанатов, а никак не фем VII—X вв., мы бы рассматривали как своеобразное выражение процесса феодальной децентрализации» (с. 256). Как свидетельствуют практики XIII—XIV вв., в этот период катепанаты играют заметную роль при осуществлении налоговых переписей¹².

Очень интересна мысль Г. Г. Литаврина о том, что при изучении событий классовой борьбы этого периода следует особое внимание обращать на факты проявления классовой солидарности крестьян и городских низов. Интересен анализ зафиксированных в «Пире» инцидентов, связанных с произволом членов семьи Склиров, обнаруживающих подобного рода классовую солидарность (с. 275—276).

Если давать общую оценку монографии Г. Г. Литаврина, то можно сказать, что обилие затронутых в ней проблем, получивших новое оригинальное освещение, богатая источниковедческая база, острая полемичность, глубокие знания эпохи делают это произведение не «предварительным обобщением», как его характеризовал автор, а глубоким обобщающим исследованием, являющимся существенным вкладом в современное византиноведение.

К. В. Хвостова

РЫЦАРСКИЙ РОМАН В ВИЗАНТИИ

(А. Д. Алексидзе. Мир греческого рыцарского романа (XIII—XIV вв.). Тбилиси, 1976, 353 с.)

Книга А. Д. Алексидзе написана по-грузински, но владеющий русским языком читатель может ознакомиться с ней по большому — около 50 страниц — русскому резюме. Автор исследования давно интересуется проблемами византийского романа, анализу романов XII в. он посвятил свою кандидатскую диссертацию, а в рецензируемой книге прослеживает судьбу этого жанра уже в XIII—XIV вв.

Книга А. Д. Алексидзе — менее всего традиционное для византийского литературоведения «жанровое исследование» и еще менее — обычный филологический или исторический анализ памятников. Само название книги: «Мир греческого романа» — не красивая метафора, а постановка серьезной научной проблемы, позволяющей, как говорит сам автор в предисловии, «коснуться ряда значительных аспектов средневекового мировоззрения и эстетики, а также поставить ряд теоретических, методологических вопросов исследования византийской светской литературы». И хотя такие традиционные элементы византиноведческого исследования, как датировки, установление авторства и пр., не устранины вовсе (например, вопрос об авторстве «Каллимаха и Хрисоррои»), они занимают подчиненное положение, уступая место историко-литературным и эстетическим проблемам.

Принципиальное значение для всего исследования имеет его первая глава, названная автором «По поводу символическо-аллегорической интерпретации византийского романа». «Средневековое произведение было Сфинксом, ждущим Эдипа: его авторы аллегорией зашифровывали свою мысль, а читатели или зрители ее расшифровывали». Мы процитировали слова С. В. Поляковой из работы, посвященной византийскому роману XII в. «Повесть об Исминии и Исмине»¹. А. Д. Алексидзе категорически не хочет видеть в византийских романистах «шифровальщиков», а в их читателях — «дешифровщиков», хотя и знает, что ряд средневековых произведений оказывался объектом замысловатых аллегорических толкований. Изображенная в романах любовь героев, выдерживающая все испытания, в представлении автора монографии, была именно любовью молодых людей, а не «аллегорией торжества любви» над грубой силой. В короткой рецензии не место обсуждать одну из самых кардинальных проблем византийской эстетики, отметим только, что ни одна из концепций, по нашему мнению, не исключает другую: «реальное» и «земное» у византийского литератора и его читателя превращается в символ «высшего» и «небесного», не теряя при этом своего буквального и «низменного» смысла. Многозначность была в самой природе византийского эстетического сознания.

«Буквальное» прочтение греческих романов позволяет А. Д. Алексидзе включить произведения этого жанра в общее русло развития византийской светской литературы

¹² См.: Actes de Lavra, vol. II, N 109.

¹ Византийская любовная проза. М.—Л., 1965, с. 127.

и видеть в них выражение гуманистических идей и тенденций. «Воспевающий земную любовь и красоту роман, — замечает автор, — представляется таким же новым принципиальным явлением, каким в области мышления XII в. представляются рационалистические течения. Если рационалисты отмежевываются от официальной церковной догматики, то романисты отмежевываются от официальной морали». Видя в романе непосредственное отражение настроений и тенденций своего времени, А. Д. Алексидзе приводит очень интересное и правильное наблюдение: какими бы нереальными ни казались обстановка, сюжет и образы героев византийского романа, строй их чувств и представлений иногда удивительным образом совпадает с отдельными описаниями персонажей в исторических хрониках. Действительно, начиная уже с XI в., любовь (и супружеская, и адюльтерная) становится нередким объектом изображения историков. Таким образом, роман и в своем «буквальном толковании» должен был удовлетворять вкусам читающей элиты византийцев.

А. Д. Алексидзе включает роман в систему византийской светской литературы, а саму византийскую литературу рассматривает на фоне литературы общеевропейской и, не отрицая прямых связей, говорит о «совпадении фаз» в средневековой европейской и греческой литературах. Византийский любовный и рыцарский роман попадает во «вторую фазу», вместе с западной куртуазной литературой. Такой выход в область сравнительного литературоведения имеет для автора методологическое значение, позволяя распространить на круг византийского романа проблематику и методы исследования западной медиевистики, а также «определять неизвестное через известное», т. е. явления малоизученной византийской литературы через установившиеся понятия западного средневековья. На данном этапе развития византиноведения этот метод, по нашим представлениям, не только оправдан, но и необходим, хотя и свидетельствует о весьма печальном отставании византийского литературоведения. Напомним, что византиноведы-историки пользуются им давно, а в недавней книге И. П. Медведева «Византийский гуманизм» он последовательно применен и к византийской культуре XIV—XV вв.: явления византийского «гуманизма» определяются через понятия гуманизма итальянского.

Аналоги с европейским средневековьем не только дают А. Д. Алексидзе «точку отсчета» для анализа греческого романа, но позволяют подчас бросить свет на отдельные литературные явления. Так, богатое использование сказочных мотивов в «Каллимахе и Хрисоррое» объясняется тенденцией автора трансформировать жанр романа, «используя в качестве основного средства трансформации народный литературный и языковой материал». Параллель этому явлению А. Д. Алексидзе видит в трансформации французского «античного романа» на почве бретонской фольклорной традиции. Аналогия (пример с французским «античным романом» на самом деле — не единственный) придает гипотезе широту и правдоподобие.

А. Д. Алексидзе отмечает большую роль греческого романа как в формировании жанровых признаков, так и в сфере изображения человеческих отношений и чувств. Одна из глав исследования носит заглавие «Любовь — открытие греческого романа». Poleмическая реплика на замечание Г. Каэна «Любовь — изобретение Франции XII века», этот заголовок, по нашему мнению, вряд ли отражает суть проблемы. «Открытие» любви произошло на ранних этапах литературного развития, каждой новой эпохой любовь «открывается» заново, и едва ли стоит пытаться устанавливать дату ее первооткрытия, пусть даже такие попытки и освящены высокими авторитетами.

В греческом эллинистическом романе А. Д. Алексидзе усматривает новую концепцию «верной супружеской любви», полагая, что ее изображение в романе византийском — следствие развития «отечественных» традиций, в то время как все адюльтерные мотивы — результат западного влияния. Напротив, западный роман, обращаясь к любви, освященной узами брака, как бы воспринимает «греческую концепцию». Такая схематизация, равно как и привнесение в научные оценки морализаторского оттенка, мало способствует выяснению проблемы.

Главами, посвященными изображению любви, начинается «путешествие» автора и читателя по «миру греческого романа», миру, полному загадок и парадоксов. В этом мире реальное переплетается с ирреальным, возможное с невозможным, сидящие на волшебных конях герои ищут брод, встречаясь с демонами и крылатыми зртами, поражаются механическим игрушкам, романисты восхищаются «рукотворной красо-

той» — картинами и скульптурами и сравнивают их с живой природой («совсем как живые!»), а одушевленную красоту сопоставляют с творением мастеров («будто вылеплен скульптором»). Как истые византийцы, авторы романов восторгаются «чистой красотой» и гармонией линий, но равнодушны они и к материальной ценности описываемых предметов и драгоценностей. В произведениях, созданных в ортодоксально-христианской Византии, почти не удается обнаружить христианского элемента. . . Мы привели только несколько тем и наблюдений из книги, чтобы проиллюстрировать характер и широту проблем, поднятых вопросов.

Разнородность образов, идей, фона романа, художественная ткань которого соткана из элементов разных систем и традиций, постоянно и непременно отмечается А. Д. Алексидзе, и в то же время, как утверждает автор, «какими далекими ни казались бы от социальной проблематики рыцарские романы, в них находит отражение суть феодальных отношений, классовая позиция авторов». Последний тезис не декларируется, а доказывается в исследовании. Связь с эпохой усматривается не в отдельных случайных приметах времени, а в самой художественной системе, структуре и иерархии образов. Подобные связи с действительностью уже прежде устанавливались для западно-европейского романа, ныне они аргументированно констатируются для романа византийского.

Проникновение в «мир греческого романа» напоминает попытки решить уравнение с многими неизвестными. Мы не знаем точно, когда романы писались, не знаем в большинстве случаев их авторов, почти не знаем, кто был их читателем и как этот читатель их воспринимал. В распоряжении современных исследователей только тексты произведений и неограниченные возможности для выискивания параллелей и построения гипотез. Этими возможностями А. Д. Алексидзе широко пользуется, хотя и предвидит все препятствия и трудности, которые его ожидают. Стремясь объяснить многие особенности романа спецификой «средневекового мышления», он задается вопросом, что это «средневековое мышление» собой представляет, а в начале итоговой и принципиально важной для книги главы «Художественное видение» четко говорит о трудности разграничения того, что является фактом поэтического мышления, и того, что является формой выражения средневекового мышления как такового. Как известно, само осознание трудности имеет в науке весьма немаловажное значение.

Некоторые из положений книги остаются гипотезами, доказать которые при нынешнем состоянии науки вообще невозможно. Но гипотезы вовсе не противопоставлены исследованиям по византийской литературе. Если в других областях литературоведения нет недостатка в смелых концепциях, подчас далеко уводящих от реальных фактов, то в сфере византиноведения они редкость и нужны хотя бы как своего рода схемы, чтобы систематизировать и предварительно объяснить богатейший материал, еще очень мало осмысленный учеными.

Я. Н. Любарский

Г. К. Гозалишвили. К вопросу об этническом происхождении династии Комнинов. — «Мнатоби», 1972, № 8, с. 116—139 (на груз. яз.).

Основной целью рецензируемой статьи является доказательство принадлежности династии Комнинов к грузинской этнической среде. Г. К. Гозалишвили исходит из им же неоднократно выдвигаемого положения, что жителями Каппадокии являлись грузинские племена (мосхи, чаны и др.) и термин «каппадокийцы» равнозначен термину «грузины»¹. Он пытается доказать, что Комнины по своему происхождению были каппадокийцами, следовательно, грузинами.

Заранее надо оговориться, что разбор всех многочисленных аргументов автора здесь невозможен. Поэтому мы выделили лишь основные пункты, которые и сам автор считает главными.

Поскольку исходной точкой зрения для отнесения Комнинов к грузинской этнической среде является их каппадокийское происхождение, в первую очередь остановимся на этом тезисе и посмотрим, как Г. К. Гозалишвили доказывает его.

¹ *Гозалишвили Г. К.* Митридат Понтийский. Тбилиси, 1965; *он же.* Два этюда из прошлого Понта и Каппадокии. Тбилиси, 1967.